Жил-был в деревне Софэм, что в графстве Норфолк, коробейник Джон. Жил он с женой да тремя детьми очень бедно, в убогом домишке. Ведь как ни старался Джон, а хорошего торговца из него не вышло — слишком уж он был прост, слишком честен, не умел выколачивать последние денежки из бедняков, когда продавал им свои товары на ярмарках и базарах.

День за днем шагал Джон по дорогам с тюком за спиной; продавал булавки и кружева, ленты и платки всем, кто хотел их купить, а еще пел на деревенских ярмарках старинные песни и баллады.

Но вот в каком-то году весна выдалась поздняя, а когда она, наконец, пришла, задул такой сильный ветер, полили такие частые дожди, что бедняга Джон лишь изредка мог выходить из дома с товаром.

Тяжелое это было времечко для Джона и его жены — им едва удавалось прокормить и одеть своих троих детей. У сына не было башмаков, не в чем было на работу выйти, а дочки выросли из своих платьев — хочешь не хочешь, а доставай новые.

— Ума не приложу, как нам быть! — со вздохом сказала жена коробейника в одно дождливое утро.- Ничего не могу придумать... Видно, придется тебе, Джон, наняться в работники на ферму. В нынешнем году торговлей много не заработаешь.

— В этакую погоду на ферме тоже делать нечего, — ответил коробейник. — Но вот что я тебе скажу, жена! Подамся-ка я в Лондон, как только прояснеет.

— В Лондон?! — воскликнула жена. — А что тебе там делать? Хочешь разбогатеть, что ли? Да лондонские жулики тебя как липку обдерут! Что это тебе взбрело в голову-в Лондон идти?

— Так и быть, скажу, — ответил коробейник.- Прошлой ночью, когда по крыше дождь барабанил, мне не спалось и я все думал да ломал себе голову, как нам быть? А когда, наконец, заснул, приснился мне чудесный сон. Ей-богу, чудесный, жена!

— Ты, верно, видел во сне, что с неба в камин упал шкаф, набитый новой одежей! А когда проснулся, оказалось в камине не шкаф, а всего-навсего старое грачиное гнездо, которое целый год торчало у нас на крыше.

— Вот и нет! — сказал Джон. — Во сне я слышал только голос, — и до чего же ласковый голос! — а чей, не знаю. И будто голос этот сказал мне: “Джон, пойди в Лондон, стань на Лондонском мосту, и ты услышишь удивительную весть”.

— Какую весть? — спросила жена Джона.

— Не знаю — тут я как раз проснулся. Но до чего ласковый это был голос, до чего убедительный!

— И ты собираешься тащиться в Лондон из-за какого-то сна? Да ты, должно быть, поел за ужином заплесневелого сыра, вот и приснилась тебе какая-то чушь!

— Нет, женушка,- сказал коробейник.- После твоих ужинов сны не снятся.

— И немудрено! Мне ведь ужин-то стряпать почти не из чего! Ну, а что это за удивительную весть ты должен услышать на Лондонском мосту? Может, надеешься узнать, что помер твой старик отец и оставил тебе состояние?

— Да, что-нибудь в этом роде, хотя моему старику оставлять нечего. А впрочем, глупости все это, и говорить о них больше не стоит.

Но и вторую и третью ночь коробейника мучили сны. Три ночи подряд слышался ему все тот же голос:

“Джон, пойди в Лондон, стань на Лондонском мосту, и ты услышишь удивительную весть”.

“Уж не ангел ли это говорит со мной? — думал Джон.-А может, сам господь хочет помочь бедняку в трудный час...”

Как ни прост был Джон, но уж если, бывало, забьет себе что-нибудь в голову, никак его не отговоришь, и в конце концов жена согласилась отпустить его. Благословила мужа на дорогу, сказала, что рада будет, если он хоть живым вернется, а больше ей ничего не надо. Заставила его одеться потеплее и отдала ему последние деньжонки. На прощанье Джон расцеловал всю семью и пошел в Лондон. На сей раз он не тащил на спине тюка — вышел налегке, только с палкой в руках.

До Лондона ходу было четыре дня. На Джоново счастье распогодилось, и он мог ночевать в сараях или под стогами сена. Наконец он добрался до Лондона и без труда нашел знаменитый мост. В те далекие времена на этом мосту стояли дома и лавки и по нему проходили толпы народа.

Дошел Джон до Темзы, остановился на мосту и стал ждать. Глядит на воду, видит — проплывают мимо лодки; глядит на улицу, видит — кареты и повозки катят, всадники едут, пешеходы идут. Но никто с ним не заговаривает, никто его не замечает.

Когда стемнело, Джон улегся, прислонившись к стене какого-то дома, и заснул.

На другой день он стал на другом конце моста. Но опять никто не обратил на него никакого внимания. Проголодался Джон, купил себе небольшой каравай хлеба, немного сыру и кружку пива.

Так он и стоял на мосту день за днем, пока не вышли у него все деньги.

“Вот и конец моим приключениям, — подумал Джон.- Денег больше нет, а толку никакого. Ни одна живая душа мне ни словечка не сказала и никакой вести я не услышал, ни простой, ни удивительной. А теперь придется поворачивать домой да просить на хлеб — у меня, кажется, и двух пенсов не осталось...”

И только захотел Джон в последний разок взглянуть на широкую реку, как подошел хозяин лавки, что стояла напротив, и заговорил с ним.

— Не терпится мне узнать, кто ты такой и что тебе здесь надо! — сказал лавочник.- День за днем ты стоишь тут на мосту, хотя продавать тебе нечего и милостыни ты не просишь. И ни с одной живой душой ты не перемолвился ни словечком: ни с мужчиной ни с женщиной, ни с ребенком. Так скажи мне, если можно, что ты тут делаешь? Спрашиваю просто так, из любопытства.

Джон замялся. Не хотелось ему рассказывать первому встречному, почему он столько времени простоял без дела на Лондонском мосту. Но парень он был простодушный, не мастер выдумывать всякие небылицы да отговорки, ну и выложил все начистоту.

— Эх, соседушка,- начал он, — сказать по правде, я простой деревенский бедняк. Три ночи подряд мне снилось, что если я пойду и стану на этом вот мосту, то услышу удивительную весть. Но никаких вестей я не услышал и теперь надо мне возвращаться домой, потому что все деньги у меня вышли.

Лавочник опешил, уставился на Джона, а потом как прыснет со смеху. Хохотал до слез, чуть не лопнул от смеха.

— Ну и умная же ты голова! -вымолвил он, наконец. — Говоришь — притащился из деревни в Лондон и все это время на мосту простоял только потому, что приснилась тебе какая-то чушь? Да другого такого простачка во всем Лондоне не сыщешь! Будет мне о чем порассказать соседям! Будет чем развеселить мою старуху, чтоб забыла она про свои боли в ногах.

И он опять так и покатился со смеху.

— Вот что я тебе скажу, деревенщина! — продолжал лавочник, человек словоохотливый. —

Прошлой ночью я тоже видел сон — ясно, как наяву. Но я не такой осел, чтобы обращать внимание на какие-то сны. Я тоже слышал во сне голос. Будто кто-то сказал мне: “Поди в деревню Софэм в графстве Норфолк...” Да, кажется в Софэм, хотя точно не помню, — никогда не слыхал про эту деревню. Так вот, значит: “Иди в Софэм, копай землю под дубом, что растет позади дома коробейника, и найдешь преогромный клад”. Вот что мне приснилось, дружище! Но неужто ты думаешь, что я дурак набитый и со всех ног побегу туда, раз мне такое приснилось? Да я даже знать не знаю, есть ли на свете деревня Софэм!

Но лавочник не успел вволю посмеяться над Джоном — тот сказал “до свиданья” и был таков. Подивился лавочник, подумал: “Куда так торопится этот чудак?”, потом решил, что он свихнулся, и скоро забыл о нем.

А Джон бросился бежать домой. Бежал он со всех ног, а слова лавочника так и звенели у него в ушах. Всю дорогу он думал только о дубе, что рос в дальнем конце его сада. Джон хорошо знал этот дуб, да и как не знать — ведь он мальчонкой каждый божий день карабкался на него, а теперь на дерево лазил его сын.

Наконец, усталый и голодный, добрался он до дому. Жена несказанно обрадовалась, когда увидела его целым и невредимым, и не успела с ним поздороваться, как принялась готовить ему завтрак. Но, хотя Джону до смерти хотелось есть, он не стал терять времени на еду.

— Неси скорей лопату, женушка, — сказал он, — какой мы сад перекапываем.

— Вот она, Джон! — ответила жена. — Скажи спасибо, что я ее на хлеб не обменяла. А на что тебе лопата? Лучше поешь! Хотя, по правде сказать, угощать мне тебя почти нечем. Как говорится: хлебай маленькой ложкой.

Но Джон ее и не слышал. Кинулся в сад и принялся копать землю под дубом.

— Вот бедняга! — сказала жена коробейника дочкам, — те как раз прибежали поздороваться с отцом. — Вот бедняга. Лондонским жуликам нечего было с него взять, так они последний разум у него отняли. А много ли в нем корысти?

Но она ошиблась. Не успел Джон немножко покопать, как наткнулся на большой деревянный сундук, весь перепачканный землей и почти сгнивший. Джон отнес его в дом и открыл. И тут все просто онемели от удивления. В сундуке лежали груды золотых монет и разная серебряная посуда, а еще были там драгоценные камни и богатые украшения из чистого золота.

— Выходит, я не ошибся, — спокойно молвил Джон.- Голос меня не обманывал — то был голос самой правды! Ну, что же нам теперь делать со всем этим богатством?

И вот, чтобы не быть в долгу перед богом, Джон пожертвовал большую часть денег на обновление старой деревенской церковки, которая грозила вот-вот обвалиться. А на остальные купил большой красивый дом и зажил в нем припеваючи с женой и детьми.